

АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Monica Kristensen

HOLLENDERGRAVEN

FORLAGET PRESS

Моника Кристенсен

ГОЛЛАНДСКАЯ
МОГИЛА

Paulsen

2017

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)
К825

Перевод с норвежского *Анастасия Наумова, Олеся Нонка*

Перевод с норвежского осуществлён при
финансовой поддержке фонда NORLA
This translation has been published
with financial support of NORLA

Кристенсен М.

К825 Голландская могила: пер. с норв. А. Наумова, О. Нонка.
М.: Издательство «Паулсен», 2017. – 424 с.
ISBN 978-5-98797-187-1

© Паулсен, 2017
© Monica Kristensen and Forlaget Press,
Oslo 2008
Published by agreement with Copenhagen
Literary Agency ApS, Copenhagen

ISBN 978-5-98797-187-1(рус.)
ISBN 978-82-7547-793-2 (норв.)

Пролог

В кабинете, расположенном в здании старой электростанции, было не продохнуть. Там, склонившись над чашками с самогоном и кисловатым кофе, сидели трое работяг из Нью-Олесунна. В своё время в это крошечное помещение с трудом втиснули обшарпанный диван, письменный стол, теперь приткнувшийся к стене, и колченогое конторское кресло без подлокотников. На стенах висели плакаты, напечатанные в пятидесятых и прикрывавшие самые отвратительные пятна. Механик притащил с собой обогреватель, и теперь тот тихо потрескивал, пытаясь победить подступавший с улицы холод. Утро ещё только занималось, и на ясном небе висела луна, заливая светом скованные стужей ледники вокруг Нью-Олесунна.

Научный городок располагался далеко на севере – дальше люди просто не выжили бы. Перед наступлением зимы учёные собрали приборы и уехали. Лаборатории опустели. Люди возвращались сюда лишь в апреле или мае, а основная исследовательская деятельность приходилась на лето. Однако были здесь и те, кто не уезжал, те, благодаря кому зимой жизнь в городке не умирала окончательно.

Никто из зимовщиков особо не распространялся про полярную ночь или одиночество. Разговаривали они грубовато, а от их шуток, казалось, и молоко запросто могло скиснуть. Свободное время они проводили в охотничьих избушках и гоняя на снегоходах.

Была суббота, и официально рабочий день уже закончился. Но наступали выходные, и впереди их ждал целый свободный день. Жители разбились на небольшие группы, чтобы пропустить стопку-другую перед тем, как разбрестись на заре по домам. Множество старых домов в посёлке уже больше тридцати лет стояли пустыми – жильцы уехали отсюда сразу после закрытия шахт.

Иногда трое друзей пробирались в один из домов, который когда-то принадлежал, видимо, какому-нибудь горному мастеру – давно умершему, рассаживались на сделанных в пятидесятых креслах, среди детских игрушек и пахнущих плесенью книг и проводили там не один весёлый вечер с бутылкой чего-нибудь покрепче. Но когда об этих ночных вылазках узнал начальник станции, им не поздоровилось. Он на несколько недель ввёл ограничения на употребление спиртного, и поэтому в этот раз неразлучная троица обосновалась в каморке механика в здании бывшей электростанции. Здесь было так холодно, темно и пыльно, что сюда никто бы и не подумал соваться.

Через час механику пришлось на несколько минут покинуть весёлую компанию. Он встал и вышел на лестницу, но двое собутыльников едва заметили

его отсутствие. Туалет располагался в другом конце ветхого каменного здания, и путь туда пролегал по просторным залам с покрытыми пылью генераторами. Механику эта дорога не нравилась. В привидения он не верил, но расхаживать по холодным тёмным помещениям, на стенах которых за много лет намёрзли сосульки, ему не хотелось. Поэтому он вышел через боковую дверь на улицу и пристроился на верхней ступеньке старой деревянной лестницы.

Ночь выдалась тихая и спокойная. Механик замер, слегка покачиваясь: лестница здорово обледенела, и поэтому его ноги в ботинках на деревянной подошве скользили. В этом году самые страшные морозы вновь пришли в марте. Стужа крепко вцепилась в городок и уже несколько недель не ослабляла хватки. Пару часов назад температура упала до минус сорока. Сейчас, правда, чуть-чуть потеплело, но механик всё равно постарался управиться побыстрее и вскоре уже застёгивал ширинку. Он замер и напоследок взглянул на небо над деревянными домиками Нью-Олесунна и на линию залитых лунным светом гор на горизонте. Лёд на морском берегу словно впечатывался в тёмное небо, а ещё дальше, совсем возле воды, поблескивал ледник Конгсвеген. Край ледника на пятьдесят метров вздымался над водой, так что на снегоходе заехать на ледник прямо с фьорда ещё никому не удавалось. Зато трасса, ведущая в Лонгиер, южнее проходила прямо вдоль берега, поднимаясь по крутым холмам к моренному валу, а на востоке взбиралась на горные кряжи.

Механик уже собрался было вернуться внутрь, когда заметил по другую сторону Конгс-фьорда, возле полуострова Блумстрандойя, какое-то тёмное движущееся пятно. Зрением он отличался неплохим, но пятно было чересчур далеко. Не двигайся оно – механик вообще едва заметил бы его. Он прищурился и поёжился. Тёмное пятно двигалось необычайно быстро. Снегоход? Механик замер, перестал дышать и прислушался. Нет, ничего – только жужжание генераторов на новой электростанции неподалёку. И больше ничего. В эту ночь даже ветер не взметал в воздух снег, одеялом укутавший стены домов и поблёскивавший на морозе.

Сначала механик решил вернуться в помещение, а про пятно забыть. Но когда он вошёл в прокуренную каморку, то первым делом снял с гвоздя возле двери бинокль. Приятели взглянули на него, но даже и не заметили, что механик вновь вышел на улицу. Его не было ещё несколько минут, а потом он вернулся и молча опустился на конторское кресло. На этот раз его собутыльники почему-то прервали беседу и уставились на него. Лицо его заливала какая-то сероватая бледность, а вокруг глаз виднелись красные круги от бинокля. Электрик вздрогнул. Что-то случилось – решили они с водопроводчиком.

– Там снегоход на льду. Похоже, на ледник едет.

Приятели молча, выжидая, смотрели на механика. Странно, что кто-то решил прокатиться на снегоходе именно сейчас, холодной тёмной ночью.

– Там, на льду около Блумстрандойя. И едет прямо на Конгсбреен.

Двое других медленно кивнули. Из-за приливов и отливов лёд возле ледника Конгсбреен нередко трескался, а по самому леднику передвигаться было крайне опасно. Порой люди падали в ледниковые трещины и разбивались насмерть. Год назад ледник выбросил старый снегоход – когда-то давно на нём ездил один из туристов. Тогда все местные жители ждали, что лёд вскоре вернёт и самого туриста – или, точнее говоря, его останки.

– Да уж, ночью там ездить опасно, – медленно произнёс электрик, судя по диалекту, уроженец Южной Норвегии, – но это ж наверняка кто-то из Нью-Олесунна? Значит, и дорогу знает, верно?

Механик покачал головой. Кое-что ему совсем не нравилось. Он понимал, что рассказы он все начистоту – и придётся очень пожалеть. Над ним потом всю зиму будут насмехаться. И возможно, протрезвев, он откажется от своих слов. Но как раз сейчас остановиться он был уже не в силах. Его прямо-таки распирало.

– Я в бинокль поглядел. Смотрю – а на снегоходе двое. А у того, что сзади сидел... – механик схватил бутылку со спиртом и жадно отхлебнул прямо из горлышка, – у него, похоже, головы-то и не было. Тело вроде как было, но только до плеч.

«Белый медведь»

Первое в этом сезоне туристическое судно медленно отчалило от пристани в Лонгиере. На носу поёживались от холода те немногие храбрецы, кто отважился на это путешествие. Мотор громко заревел, а вода между причалом и обшивкой судна забурлила под лопастями винта. Корма медленно отдалялась от причала, и капитал на мостике довольно улыбнулся: ещё бы, он управляет настоящим полярным кораблём, спереди и сзади оборудованным боковыми подруливающими устройствами. Как и полагается туристам, пассажиры захлопали в ладоши, а кто-то даже закричал: «Ура!»

Кучка зевак на пристани могли сами убедиться в том, что «Белый медведь» – прекрасное судно. Ни следа ржавчины, а оба борта щедро выкрашены в красный цвет. Денег на судно не пожалели – и это каждому было ясно. Братья Ольсен, бизнесмены из Тромсё, сами неоднократно совершали морские рейсы на Шпицберген, а недавно стали владельцами круизного судна. Они наблюдали за отплытием, пока судно не скрылось из виду. Они гордились собой.

С погодой, надо сказать, не повезло. С утра над арктическими островами образовалась зона низкого

давления. Опустившись на воду и лёд, тёплый воздух устремился на север. В устье фьорда выросла стена липкого серого тумана, закрывшая вид. Теперь те, кто находился на носу «Белого медведя», могли разглядеть лишь нечёткие контуры там, где прежде были Лонгиер и горы. Кое-где ещё виднелись пятна грязного снега. Дороги раскисли, и на подошвы, одежду и колёса налипали комки несмываемой грязи. Для арктического туризма июнь был, пожалуй, самым неподходящим месяцем. Но ничего – как только судно отойдёт подальше от берега, погода наладится, и настроение у туристов наверняка улучшится.

К сожалению, пассажиров на борту было чересчур мало – явно недостаточно, чтобы расходы окупились. В круиз под названием «Арктическая мечта» – первый круиз сезона – отправились всего семь человек, большинство из них англичане. Сейчас все они, несмотря на понижывающий холод, стояли у борта, стараясь не упустить тот момент, когда судно выйдет из Ис-фьорда. Это в основном были люди средних лет, которым пришлось экономить – поэтому они и ограничились самым дешёвым вариантом путешествия на Шпицберген. Однако судно было настоящим китобойным, отремонтированным и приведённым в порядок. Обшивка корпуса была достаточно крепкой для полярных рейсов: изначально судно предназначалось для китового промысла в Антарктике. Кое-где к северо-востоку от Лонгиера лёд на Ис-фьорде ещё не сошёл, но «Белый медведь» смело двинулся по льдинам прямо в открытое море.

Вообще-то июнь – не самое подходящее время для круиза. Один из братьев говорил об этом ещё прошлой осенью. Но слова его пропустили мимо ушей, ведь второй брат вложил в проект намного больше средств. Чем раньше они начнут, тем больше заработают – так он решил. Поэтому они разместили объявления в норвежских и зарубежных газетах. К удивлению младшего брата, этого оказалось достаточно, чтобы клиенты начали звонить по указанному номеру и бронировать каюты. Только вот первый круиз, стартующий из Лонгиера 19 июня, собрать оказалось непросто.

Судовладельцев связывали узы семейные, но друзьями они не были. Они часто не соглашались друг с другом, зато и ссорились редко. Вместе они пережили немало разочарований в бизнесе, однако друг без друга не справились бы: ни у одного из них не было достаточно денег, чтобы выйти из множества акционерных обществ, владельцами которых они являлись. Внешне они были на удивление похожи: тучные и круглоголовые, с жидкими волосами и одутловатыми лицами, но с невероятно обаятельными улыбками.

Прошлая осень выдалась суматошной. Если бы братья заранее знали, сколько им нужно будет оформить сертификатов и деклараций, чтобы организовать туристические круизы на Шпицберген, они бы вообще не стали ничего затевать. Но они всё же были бизнесменами и уже немало вложили в разные связанные со Шпицбергенем проекты, начиная с нефтеразведки и поисков золота и заканчивая небольшой авиакомпанией и отельным бизнесом. Но пока

все эти предприятия оставались неприбыльными. Их деловые партнёры в разных банках – а таковых пришлось завести много – давно перестали восхищаться дорогими ужинами в лучших ресторанах Тромсё, куда их водили братья. Так что новоиспечённым судовладельцам пришлось самим думать, где раздобыть деньги. На них уже висел долг, и поэтому с пассажиров требовали оплатить поездку за несколько месяцев вперёд.

Персоналу судовладельцы платили не слишком щедро и даже слегка нарушали установленные тарифы по зарплате, но, несмотря на это, экипаж они подобрали неплохой: капитан, который давно уже вышел на пенсию, штурман, которого выгнали с предыдущего места за ругань с начальством, пьющий (правда, не всегда, а лишь время от времени) механик, у которого не хватало сертификатов, стюард, работавший в Нью-Олесунне, а сейчас взявший отпуск и отправившийся в этот рейс просто потому, что ему вдруг захотелось, и, наконец, весёлый молодой матрос.

Вообще-то в экипаже судна подобного типа должно быть на одного человека больше, и поэтому гид, которую они наняли в последний момент, должна была также выполнять обязанности матроса и буфетчицы. Она была шведкой, что один из братьев считал преимуществом, а другой – катастрофой.

Гид уже два месяца прожила на Шпицбергене. Чтобы подзаработать, она бросила учёбу в Стокгольмском университете и отправилась сюда. Сначала она сидела на телефоне, помогая судовладельцам

бронировать каюты, а помимо этого оформляла разрешения на посещение различных географических и исторических достопримечательностей.

В обязанности Анетты входило также поддерживать связь с управлением губернатора острова, которое осуществляло здесь функции полицейского отделения. В основном эта связь ограничивалась встречами, на которых Анетта узнавала о действующих правилах охраны окружающей среды. Впрочем, по окончании встречи девушка благополучно обо всём забывала. С губернатором острова Хансом Бергом Анетта лишь однажды встречалась лично – и то случайно столкнувшись с ним в приёмной. Она решила во что бы то ни стало произвести на него хорошее впечатление – на тот случай, если потом попадёт в какую-нибудь передрагу, – и поэтому наградила губернатора своей самой обворожительной улыбкой. Губернатор же всё равно ограничился лишь коротким приветствием.

Анетта его слегка побаивалась: это был её первый год на Шпицбергене в качестве гида, и ей не хотелось, чтобы из-за каких-то недочётов её уволили. Её новый работодатель – судходная компания – никаких гарантий не давала. Анетта старалась читать и узнавать как можно больше про заповедные зоны и достопримечательности Шпицбергена.

Дрожащие пассажиры, которым надоело любоваться льдинами и размытыми очертаниями гор, пошатываясь, спустились в салон вскоре после того, как

«Белый медведь» отчалил. Некоторые из них прибыли на причал сразу из аэропорта и едва успели к отплытию. Анетта устроилась в углу с блокнотом в руках и начала подсчёт. Не снимая верхней одежды, туристы расселись в зелёных плюшевых креслах. Чтобы привлечь к себе внимание, гид похлопала в ладоши.

– Дорогие пассажиры! Добро пожаловать в круиз вдоль западного побережья Шпицбергена, – чуть запинаясь, проговорила она по-английски. – Ваше путешествие будет по-настоящему волшебным, и мы сделаем для этого всё, что от нас зависит. Я ваш гид, и вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи с любыми вопросами, – она слегка поклонилась, – номер моей каюты – 203. Это прямо по коридору и налево.

Стюард, спрятавшийся в углу за газетой, довольно улыбнулся. «Что ж, будем знать», – подумал он. По меркам Шпицбергена стюард был настоящим ветераном: он провёл на архипелаге уже больше двадцати зим. Большую часть времени он находился в Нью-Олесунне, почти заброшенном шахтёрском городке далеко на севере. Сам он предпочитал отдыхать в более тёплых уголках земного шара. Выкладывая кучу денег (по слухам, почти двадцать тысяч крон) за то, чтобы прокатиться вокруг Шпицбергена на тесной лодчонке, люди просто не представляют себе, на что подписываются, – так он считал.

Гид тем временем продолжала:

– Прямо напротив меня живут супруги Тюбринг. Господин и госпожа Тюбринг, встаньте, пожалуйста-

ста. Клара и Пер Кристиан? Кстати, ничего, если я выдам ваш маленький секрет и скажу, что вы здесь в свадебном путешествии?

Клара и Пер Кристиан встали, и было видно, что они смущены: Тюбринги уже явно разменяли пятый десяток.

– Госпожа Лорелей Хемминг и её дочь Ада, – две женщины – одна, одетая в твидовое пальто, а вторая – во что-то цветастое – встали и натянуто улыбнулись.

– С другой стороны от моей каюты живет Роланд Фокс. Господин Фокс – известный фотограф и работает в Лондоне, в газете «Evening Standard». Если все мы очень попросим, то, возможно, во время путешествия он перед нами выступит.

Однако Роланд Фокс явно не пришёл в восторг при мысли о выступлении.

– И, наконец, инспектор Себастьян Роуз и его супруга Эмма из Бристоля. У нас на борту – настоящий главный инспектор британской полиции. Повезло, правда?! Супруги Роуз живут дальше всех в большом «люксе». И если вы вдруг найдёте на борту труп, то знаете, кому сообщить! – и Анетта засмеялась над собственной шуткой. Но пассажиры пока ещё толком не познакомились, поэтому смеяться не спешили. – Итак, ещё раз приветствую вас на борту. Ваш багаж уже в каютах – надеюсь, ничего не перепутали. Увидимся за приветственным коктейлем – назовём его «Ледокол» – здесь, в салоне, перед ужином. Ужин начинается в семь в кают-компании. Она находится

на палубе над нами. После ужина я приглашаю вас снова в салон – мне хотелось бы более подробно рассказать, что именно мы увидим и какие достопримечательности посетим во время нашего удивительного путешествия под незаходящим солнцем полярного дня! – Анетта улыбнулась так, что у неё скулы светело, и поклонилась под жидкие аплодисменты. Она надеялась, что туристы мало-помалу расшевелются – иначе путешествие будет невыносимым.

Пассажиры разбрелись по каютам, и стюард вновь спрятался за газетой, однако, когда мимо него, зажав под мышкой папку, пробежала Анетта, он опустил газету и посмотрел ей вслед. А она вполне ничего. К тому же практически коллега.

Супруги Роуз прошли к себе и оглядели обставленную с претензией на роскошь каюту. Совершенно случайно увидев в газете объявление, миссис Роуз позвонила в круизную компанию, и те выслали ей проспект. Супруги выбрали самую дорогую каюту. Прежде они так не делали, но, во-первых, они почти никогда не ездили в отпуск, а во-вторых, то, что ей вообще удалось уговорить супруга на это арктическое путешествие, миссис Роуз считала чудом. Как правило, мистер Роуз ограничивался рыбалкой в Шотландии или короткой вылазкой в Дублин на выходные. Но около года назад Себастьян Роуз тяжело заболел, и эта болезнь многое изменила.

Эмма сняла голубую шаль и положила на стул новый серый пуховик. Она заглянула в ванную и

одобрительно кивнула. Просторно, составители проспекта не обманули.

– А ты не хочешь раздеться? – она взглянула на супруга – высокого и худого мужчину, одетого в старую чёрную куртку, которую обычно он надевал на улицу. Некоторые вещи в карманах этой куртки пролежали там уже лет двадцать. Порой – когда ситуация того требовала – инспектор с торжествующим видом вытаскивал вдруг из кармана моток бечёвки, или ржавый гвоздь, или перочинный ножик.

Себастьян Роуз подавил в себе желание ответить горячо любимой супруге, что он не ребёнок и такая опека – это уж чересчур. Но он понимал, что инсульт, пережитый им год назад, напугал скорее её, а не его. Поэтому он лишь мягко сказал:

– А у тебя нос такой красный, что в темноте наверняка будет светиться.

– Себастьян, я серьёзно. А кстати, как тебе знакомство? Мы же просили, чтобы они никому не рассказывали, что ты следователь!

– Ну да, но эта девочка – кстати, очень милая – и не рассказывала. Она только упомянула, что я старший инспектор британской полиции. Может, я работаю в дорожной полиции?

Эмма поджала губы и решила, что те, кто осмелится потревожить её мужа во время отпуска, будут иметь дело с ней. Ему нужно отвлечься и сменить обстановку. Эмма смутно догадывалась, что он чувствует себя подавленным. Перестав работать, он начал впадать в длительные приступы депрессии, и

никому – ни друзьям, ни коллегам, ни ей самой – вытащить из них Роуза не удавалось. Он просто-напросто отказывался говорить о болезни.

В другой каюте, дальше по коридору, мать и дочь Хемминг тоже сняли верхнюю одежду и теперь распаковывали чемоданы. Старшая миссис Хемминг была недовольна почти всем, в том числе и знакомством с гидом.

– И с какой вообще стати она так расхваливала этого Роланда Фокса? А про Роузов говорила так, словно те – знаменитости! Да он всего-навсего инспектор полиции! И что в этом такого особенного? А каюта – почему, интересно, у них такая огромная каюта? Намного больше нашей! Раза в два! Наша по сравнению с той – просто жалкая каморка. Она в их ванную целиком поместилась бы. С другой стороны коридора тоже есть каюта, я в неё заглянула – она точь-в-точь как их, но там никто не живёт. Тогда почему бы не поселить туда нас?

– Мама, ты что, шутишь? Разве неясно, что за люкс они и заплатили больше всех остальных?

Ада Хемминг скривила рот – отчасти недовольно, а отчасти озабоченно, совсем как мать. Хотя друг от друга их отделяли тридцать лет, а разница в весе составляла килограммов двадцать, казалось, будто лицо матери отражается в лице дочери. Такое сходство возникает только благодаря общим генам.

– А что я писатель – уж об этом-то она могла упомянуть? Ты же знаешь, как важно собрать информа-

цию прямо на месте, там, куда я приезжаю! Поэтому необходимо, чтобы люди вокруг знали, кто я такая.

Дочери никогда и в голову не пришло бы признать это вслух, но она понимала, что слава за её матерью тянется скорее дурная: её путевые заметки отличались обилием ненужных деталей. Бог знает, каким образом, но ей удавалось уломать крошечное издательство в Кембридже, чтобы они издавали её творения. Дочери казалось, это просто потому, что директор издательства и её мать когда-то вместе учились. Сам же директор убеждал её, что у миссис Хемминг имеется постоянный круг читателей. И хотя её заметки не назовёшь ни увлекательными, ни актуальными, читатели ценят в них именно точность.

– Твоя мать пишет не для вульгарной современной публики, которая читает книги и тут же их выбрасывает, – высокопарно заявил он однажды. – Она писатель будущего, когда читатель превыше всего ценит качество. Пусть книги у твоей матери неинтересные – зато они содержат точную информацию.

Удивительно, но их маленькой семье хватало на жизнь дохода от продажи этих книг. Дочь выполняла обязанности маминого секретаря и помогала ей со сбором «информации», как это называла мать. Но известной писательницей та не была. К тому же её книги никогда не переводились на скандинавские языки.

Из каюты 202 то и дело слышался радостный смех и – время от времени – громкий визг. Супруги Тюбринг явно стремились получить от своего свадебного путешествия как можно больше. Несмотря на это,

Роланд Фокс в соседней каюте спал как убитый, завалившись на койку прямо в куртке и сапогах.

Гид прислушалась к звукам, доносившимся из других кают, и порадовалась, что сумела настоять на своём и её всё-таки поселили вместе с туристами, а не с экипажем, члены которого жили на палубе, расположенной над салоном. Анетта ещё раз полистала лежащие в её папке описания достопримечательностей, которые туристы увидят по пути следования.

Спустя час туристы вспомнили про приветственный коктейль и нестройными рядами зашагали в сторону кают-компаний. К первому ужину на борту они нарядились, насколько позволяли возможности и содержимое чемоданов. Постарались все, кроме Роланда Фокса – тот по-прежнему был в зелёной армейской рубашке и брюках цвета хаки. Похоже, он никак не желал расставаться с образом бывалого, объехавшего весь мир фотографа. В кают-компаниях он выбрал столик возле самого входа, и не зря: ведь если туристы увлекутся тостами, ему будет проще сбежать оттуда.

Анетта стояла возле столика с едой. От волнения щёки у неё порозовели, и сейчас девушка выглядела невероятно хорошенькой. По крайней мере, так казалось стюарду, который время от времени заглядывал в круглое окошко в двери, отделявшей кают-компанию от камбуза. Ради такого случая стюард придумал коктейль, состоящий из водки, лимонного сока и голубого ликера «Болс». Кубики льда ещё совсем недавно были ледником – стюард сам выловил их, и сейчас

они лежали в большой миске и потрескивали. Анетта щедро насыпала лёд в бокалы. Каждому из пассажиров, подошедшему за бокалом, пришлось выслушать объяснение, почему лёд потрескивает: оказывается, это происходит под действием высокого давления в пузырьках воздуха, которые прячутся внутри этих древних кусочков льда. Лорелей Хемминг фыркнула. Все это она и раньше знала.

В кают-компанию вошёл капитан и окинул взглядом собравшихся. Вообще-то экипаж поужинал час назад, но капитан чувствовал ответственность перед пассажирами и поэтому явился сюда, облачившись в тёмно-синий джемпер с молнией на воротнике. Как правило, этот джемпер лежал в шкафу и надевался лишь в самых исключительных случаях. В обычное время капитан предпочитал неформальный стиль и носил футболку, а поверх неё – обычный вязаный свитер. Кроме того, он надевал ещё и ботинки на деревянной подошве – к ужасному раздражению штурмана, который заявил, что подобная безответственность на вернякя приведёт к несчастному случаю на борту.

Капитан представился и приветствовал туристов по-английски, но так скверно, что пассажиры сначала вообще не разобрали, на каком языке он говорит.

– Надеюсь, вам здесь понравится. У нас такая команда, лучше которой и придумать сложно, а стюард вообще имеет высшую квалификацию. Присматривать за вами будет Анетта, она лучший в мире гид и окончила Стокгольмский университет. Прошу тех из вас, кто хочет побывать в рубке и машинном

отделении, заранее сообщить мне, и я лично проведу экскурсию. Если вам захочется просто пофотографировать, буду рад видеть вас в рубке в любое время. Однако лучший вид на окрестности открывается с носа. Во-он оттуда!

Анетта и туристы захлопали в ладоши и осушили бокалы. Настроение у всех постепенно улучшалось. Главным блюдом ужина было ассорти из тушеного мяса, которое стюард приготовил из найденных в холодильнике остатков, а подали к нему вино и пиво. Вскоре пассажиры прониклись расположением друг к другу, капитану, да и вообще к судну. Их больше не раздражал туман, словно липнущий к обшивке судна и окружающему пейзажу. Их даже не тревожило, что из-за сильной качки на столы положили штормовые бортики. Анетта радостно предвкушала, как после ужина они все пойдут в салон, где она с блеском сделает доклад.

Когда пассажиры, весело переговариваясь, пришли в салон, там уже сидела миссис Хемминг. Её дочь Ада слишком хорошо знала свою мать и догадалась, что у той на уме, поэтому сослалась на головную боль и ушла в каюту. Анетта лучилась доброжелательностью, подогретой двумя бокалами коктейля и порядочной порцией вина.

– Итак, мы вышли из Лонгиера примерно в пять вечера, – её английский заметно улучшился, – и прибудем в Нью-Олесунн завтра к обеду. Мы только что проплыли мимо необычайно интересного места, которое называется Остров мертвецов, но приста-

вать здесь к берегу мы не будем. Жаль, верно, инспектор Роуз? Ведь вам-то наверняка хотелось бы взглянуть на него, – Анетта пыталась вывести туристов из полусна, но наградой ей было только громкое фырканье миссис Хемминг. – Нью-Олесунн достоин отдельного рассказа, – быстро продолжала Анетта, – и завтра после обеда я подробнее расскажу вам об этом уникальном месте. Сегодня ночью слева мы увидим большой остров, который назван Землёй Принца Карла в честь Чарльза, сына английского короля Джеймса, – Анетта искренне надеялась, что никто не станет подробно расспрашивать её об этом Чарльзе, потому что больше ничего о нём не знала. – Вся территория острова представляет собой национальный парк, и кое-где здесь вообще запрещено причаливать к берегу. Мы обойдём вокруг острова, но в пролив Форланнсуннет заходить не будем, так как он чересчур узкий и мелкий. Тем не менее, нас ждут две остановки в восточной части – в Сент-Джонс-фьорде и в заливе Энгельсбукта. Во время остановок у нас появится возможность сойти на берег и пофотографировать. Однако помните, что там запрещено – и исключений не бывает – брать что-то на память, рвать цветы или мох. До берега мы доберёмся на скоростной резиновой лодке, и будет это сегодня в одиннадцать вечера. Это, конечно, поздно, но не беда: в июне на Шпицбергене всю ночь светло.

Миссис Хемминг кашлянула, выпрямилась и выпятила грудь, став похожей на орла, готового атаковать жертву.

– Мы что, полезем вниз по верёвочной лестнице, а потом будем прыгать в резиновую лодчонку? И всё это – во время качки? – судя по тону, миссис Хемминг была не очень высокого мнения об этой затее. – И что вообще нам делать на берегу? Зачем нам вообще высаживаться у этого Сент-Джонс-фьорда?

– О, там очень красиво... Высокие горы по обоим берегам фьорда и ещё... ну... – Анетта явно не ожидала, что кто-то воспримет её предложение в штыки.

– Это мы знаем – с вашими проспектами все ознакомились. Но увидим-то мы что конкретно? Там есть захоронения? Культурные объекты? Может, жилища промысловиков или горные образования, представляющие геологический интерес? Животные? Или птицы? Так что же именно? – к сожалению, миссис Хемминг, очевидно, получала удовольствие от этого разговора и была настроена продолжать его ещё долго. Но остальные пассажиры, за плечами у которых был изнурительный перелёт до Лонгиера, совсем вымотались. После ужина их разморило, а теперь, когда «Белый медведь» вышел из Ис-фьорда в открытое море, судно слегка покачивало на волнах, туристов охватила приятная дремота. Они начали вставать и разбредаться по каютам, так что вскоре в салоне остались лишь Роланд Фокс, миссис Хемминг и Анетта.

– Ну ладно, – сказал Фокс, положив конец препирательствам, – вот доберёмся до Сент-Джонс-фьорда и тогда обсудим всё подробнее.

После ужина капитан прошёл в рубку, хотя вахта была не его. Впрочем, он вполне имел на это право,

ведь капитан-то всегда на работе. Однако штурмана, который любил покомандовать матросом, это разозлило. Во-первых, в присутствии капитана покомандовать особо не получалось, а во-вторых, приходилось выслушивать долгие рассказы обо всех тех рейсах, в которых капитан когда-то побывал по заданию Норвежского института полярных исследований.

Из-за тумана «Белый медведь» двигался не на полной скорости, но капитан, тем не менее, подошёл к рычагу переключения скоростей и ещё немного подрегулировал его, так что теперь судно вообще сбавило ход и еле ползло, с трудом преодолевая качку и встречное течение.

– На такой скорости мы до Нью-Олесунна и к ночи не доберёмся, – недовольно пробурчал штурман, поглядывая на радар, чтобы не пропустить айсберги.

Капитан вдруг понял, что совершенно забыл сообщить экипажу об остановках и вылазках на берег. Он поспешил в свою каюту, расположенную прямо под рубкой, и расписал маршрут на листке бумаги, который потом повесил на доске объявлений в кают-компании. Когда он вернулся в рубку, столкнулся со стюардом. Тот только что перемыл всю посуду, и руки у него покраснели.

– Надеюсь, вы учтёте вывешенную в кают-компании информацию, – сказал капитан, обращаясь к матросу. В ответ тот лишь молча улыбнулся: он прекрасно знал, что ещё десять минут назад в кают-компании ничего не висело. А вот штурман попался на удочку.

– Что ещё за информация? – подозрительно спросил он.

– Надеюсь, вам известно, что сегодня вечером мы заходим в Сент-Джонс-фьорд. Пассажирам уже сообщили, что через час у них экскурсия на берег. Это как раз твоя вахта, – капитан кивнул штурману, – приготовь всё к спуску лодки. Вывесите трап. И кому-то из экипажа придётся сопровождать их на берег. Возьмите ружьё. И патроны не забудьте. Ещё не хватало, чтобы на вас белый медведь напал.

Капитан с довольным видом обошёл рубку ещё раз и вернулся в каюту. Штурман тихо, но смачно выругался, а вот стюард всерьёз забеспокоился. Он прекрасно знал всё западное побережье.

– У этого судна низкая осадка? – спросил он. – В Форланнсуннете довольно мелко – мы там точно пройдем?

Об этом штурман не подумал. Он подошёл к маленькому закутку в задней части рубки и вытащил оттуда морские карты и лоцманский журнал.

– Впритык, – ответил он, – но придётся постараться. Вдруг мы вообще на мель сядем? Тогда круиз у нас получится недолгим.

Стюард согласился с ним:

– Я бы рисковать не стал. Осадка у нас почти пять метров. К тому же прямо посреди Сент-Джонс-фьорда есть рифы. Нет, слишком рискованно.

Спустя пару часов пассажиры собрались на палубе, но их хорошее расположение духа уже улетучилось. Несмотря на тёплую одежду, они мёрзли

и с нетерпением ждали вылазки на берег. Поменявшиеся планы ещё сильнее испортили всем настроение, и пассажиры неохотно разошлись по каютам. Анетта побежала в рубку и попыталась уговорить штурмана изменить решение, но на долгие споры у неё просто не хватило сил.

Капитан ничего не слышал – всё это время он проспал в большой капитанской каюте под рубкой. Хотя возможно, что сквозь сон до него доносился топот на лестнице, потому что ему вдруг привиделся кошмар, в котором «Белый медведь» наткнулся на мель и так сильно накренился на один бок, что пассажирам пришлось лезть на нос по корме. В корпусе образовалась гигантская трещина, из которой в его каюту хлынула вода.

Через час капитан проснулся, но сон никак не отпускал его. До вахты оставался ещё час, так что вновь засыпать смысла не было. Вместо этого он вышел на палубу подышать воздухом. Ветер усилился, и капитан к своему удивлению увидел, что они плывут на север мимо Земли Принца Карла. Капитану никак не удавалось стряхнуть с себя страх. Он раздражённо покачал головой. «Прекрати. Чего это ты вдруг стал на старости лет таким суеверным?» – подумал он. К началу своей вахты он поднялся в рубку и выбрал штурмана за то, что тот, не разбудив его, самовольно принял решение изменить курс.
